

УДК 908(1-924.71)+82-94(728.03+929)ДЕ ЛА МОТТ)

**«ДОМ, ГДЕ ЖИЛА МАДАМ ДЕ ЛА МОТТ»
И ВОСПОМИНАНИЯ БАРОНЕССЫ М. А. БОДЕ**

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Раскрываются некоторые подробности жизни и смерти в городе Старый Крым знаменитой французской авантюристки графини Жанны де Ла Мотт-Валуа-Гаше (1756–1826), прославившейся благодаря скандалу с кражей бриллиантового ожерелья королевы Франции Марии Антуанетты, супруги Людовика XVI. В основу публикации положены: рисунок известного крымского архитектора, археолога и реставратора П. И. Голландского (1861–1939) с изображением дома в Старом Крыму, в котором жила графиня де Гаше (из фондов Центрального музея Тавриды, Симферополь); воспоминания баронессы М. А. Боды; сочинение Луи де Судака (Л. А. Бертрена) «Героиня процесса “Ожерелье королевы”»; история поиска могилы графини де Гаше, осуществлённого Л. П. Колли и Л. А. Бертреном, а также другие материалы.

Ключевые слова: Старый Крым, Судак, графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа-Гаше, барон А. К. Боды, баронесса М. А. Боды, Л. П. Колли, Л. А. Бертрена, П. И. Голландский.

*Жизнь ничего не даёт бесплатно, и всему,
что преподносится судьбой, тайно определена своя цена.*

Стефан Цвейг.

Мария Антуанетта. 1932 г.

Тему этой публикации навеял мне рисунок из альбома Павла Ивановича Голландского (1861–1939), известного крымского архитектора, художника, археолога, реставратора, педагога (рис. 1). Этот альбом с карандашными рисунками, представляющими виды и архитектурные памятники Крыма, в 1971 г. передала в Крымский областной краеведческий музей (ныне Центральный музей Тавриды) вдова П. И. Голландского [1]. (Мой интерес к живописным произведениям Павла Ивановича вылился в работу над книгой, посвящённой жизни и творчеству этого замечательного человека, увидевшей свет в 2013 г. и приуроченной к 150-летию со дня рождения П. И. Голландского и к 90-летию Центрального музея Тавриды [2].) Рисунки датированы июнем – августом 1927 г. и июлем 1932 г., они сделаны Павлом Ивановичем во время его деловых поездок по городам и посёлкам полуострова с целью выявления памятников архитектуры, нуждавшихся в охране, ремонте и реставрации (многие из воспроизведённых им произведений зодчества в те времена находились в ведении или на учёте Крымохриса и Главнауки – организаций, в которых Голландский работал).

Среди привлёкших его внимание старых построек была одна, явно не представлявшая какой-либо художественной ценности, но интересная с точки зрения исторической, и он её зарисовал, оставив потомкам память о жизни в Крыму «мадам де Ла Мотт» [1, л. 7; 2, с. 68] – знаменитой французской авантюристки, прославившей-

ся благодаря скандалу с кражей бриллиантового ожерелья королевы Франции Марии Антуанетты, супруги Людовика XVI, скандалу, вызвавшему бурное обсуждение в литературе – главным образом художественной и публицистической. Широкой читающей публике неблаговидная биография графини известна из романов Александра Дюма «Ожерелье королевы» и «Три мушкетёра», Стефана Цвейга «Мария Антуанетта», а также из произведений других известных писателей.

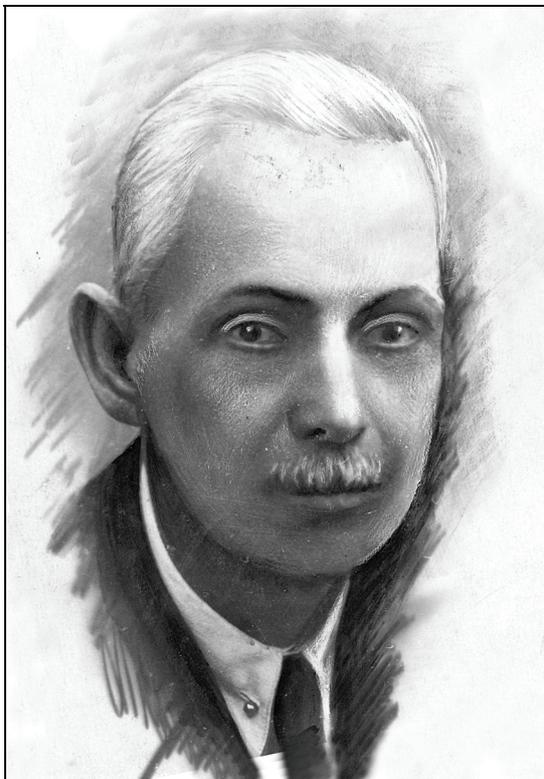

Рис. 1. Павел Иванович Голландский. Фото 1910-х гг.

Голландский запечатлел в своем альбоме весьма убогое жилище француженки Жанны де Ла Мотт-Валуа-Гаше в маленьком городе Старый Крым, до нашего времени не сохранившееся, но, как это ни удивительно, ещё существовавшее в 1927 г. (рис. 2). В Старом Крыму Павел Иванович бывал неоднократно и оставался там подолгу в связи с работой в крупнейшей по тем временам этнографо-археологической экспедиции 1925–1926 гг., организованной Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения совместно с Бахчисарайским музеем при поддержке КрымЦИК, КрымСНК и Крымнаркомпроса; экспедицию возглавлял заведующий историко-этнологическим отделом ассоциации востоковедения, член Российского общества по изучению истории Крыма профессор И. Н. Бороздин. Эти исследования были продолжены в 1928 г. В обязанности П. И. Голландского входили обмеры, планы, зарисовки наиболее значительных архитектурных сооружений средневекового Сол-

**«ДОМ, ГДЕ ЖИЛА МАДАМ ДЕ ЛА МОТТ»
И ВОСПОМИНАНИЯ БАРОНЕССЫ М. А. БОДЕ**

хата: караван-сарая, мечети Бейбарса, мечети Куршум-Джами (или Свинцовой), так называемой мечети золотоордынского хана Узбека и примыкающего к ней медресе (мусульманского духовного училища). И. Н. Бороздин отмечал: «Проблемы солхатской архитектуры на основании данных экспедиции разрабатываются профессором П. И. Голландским» [3, с. 23, прим. 1].

Рис. 2. П. И. Голландский. Старый Крым. Дом, где жила мадам де Ла Мотт, известная по истории с ожерельем королевы Марии Антуанетты. 1927 г. Карандашный рисунок из альбома П. И. Голландского (Центральный музей Тавриды, Симферополь)

По экспедиционным делам Павлу Ивановичу приходилось выезжать в Старый Крым и в 1927 г. 12 июня этого года он зарисовал в своём альбоме архитектурные детали из раскопок мечети Узбека и медресе и, надо полагать, тогда же – дом, в котором жила графиня де Ла Мотт под именем де Гаше (урожд. Сен-Рени; 1756–1826) (рис. 3, 4) [1, л. 5–7; 2, с. 40–41, 66–68, рис. 5–7]. Этот рисунок для нас ценен, так как о нем, насколько мне известно, не упоминал никто из авторов многочисленных статей и книг с рассказами о графине и крымском периоде её жизни (ничего удивительно в этом нет, ведь альбом Голландского хранится в музейных фондах, известен очень ограниченному кругу специалистов и лишь в 2013 г. был мною опубликован [2, с. 62–89, рис. 1–28]).

*Comtesse de Valois
de la Motte.*

Рис. 3. Графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа-Гаше (из интернета)

Рис. 4. Графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа-Гаше (из интернета)

История жизни княгини, как она обычно излагается в литературе (впрочем, мнения авторов не всегда сходятся, в особенности относительно её жизни в России, в частности в Крыму), в конспективном изложении выглядит примерно так. Жанна, «бедная сиротка из дома Валуа» (так она сама себя называла), жена жандармского офицера Николя де Ла Мотта, оказавшись в Париже, сумела найти подходы ко двору короля Франции Людовика XVI, но была замешана в мошенничестве с безумно дорогим ожерельем Марии Антуанетты. Судебное разбирательство 1785–1786 гг. завершилось заключением графини в Бастилию, наказанием её кнутами и клеймением предплечья «королевской лилией». Из тюрьмы она вскоре ухитрилась бежать, пряталась, через некоторое время появилась в Лондоне и якобы умерла там в 1791 г. – умерла для того, чтобы спустя несколько лет появиться в свете под другим именем: она стала графиней де Гаше (по фамилии её второго мужа).

Совершив ещё не одну аферу, уже не в молодом возрасте графиня принимает решение навсегда покинуть небезопасную для неё Европу, уезжает в Россию, куда в те времена устремилось немало французских эмигрантов, и даже ухитряется получить российское подданство (по свидетельству М. А. Боде, это произошло в 1812 г. [4, с. 128]). Живёт в Санкт-Петербурге, заводит знакомства. Среди тех, с кем она была наиболее дружна, – англичанка Мария Бирх (Бирч; урожд. Казале), бывшая придворной дамой в свите императрицы. Но и тут вскоре начали поговаривать, что графиня – не та, за кого себя выдаёт. Ей довелось беседовать с Александром I, после чего осторожный император, не рискуя оставлять в столице французенку с загадочной (а вернее – скандальной) биографией, назначил местом её жительства Крым, в те времена мало еще кому известный и в России, и тем более в Европе.

Трудно сказать, всё ли достоверно в этой истории, но вот крымский период жизни некой графини де Гаше (в прошлом де Ла Мотт-Валуа? Над доказательством тождества между графиней де Гаше и графиней де Ла Мотт-Валуа в своё время немало потрудился Луи Алексис Бертрэн, вице-консул в Феодосии, писатель и историк, автор сочинений «Графиня Ла Мотт-Валуа, её смерть в Крыму» (1899) и «Героиня процесса “ожерелье королевы”» (1902) [5. См. также: 6; 7]) весьма реалистично описан в мемуарной литературе. Хотя, нужно признать, рассказы мало отличаются друг от друга, что наводит на мысль о легенде, сложившейся в Крыму вскоре после смерти графини.

Весной 1824 г. Жанна де Гаше отнюдь не по собственной воле отправляется из Петербурга в далёкое путешествие в составе большой миссионерской экспедиции, возглавляемой княгиней Анной Сергеевной Голицыной (урожд. Всеволожская; 1779–1837; в некоторых изданиях годами её жизни названы 1774–1838) и баронессой Варварой Юлианой фон Крюденер (Криденер; урожд. Фитингоф; 1764–1824), проповедницей и прорицательницей, оказавшей, как обычно отмечалось авторами мемуарной литературы, существенное влияние на религиозные и даже политические воззрения императора Александра I, обладательницей громкой, впрочем, мимолетной славы в Европе и в России. Княгиня и баронесса намеревались основать в Крыму колонию, дабы активно распространять христианскую веру в этом сравнительно недавно приобретённом Россией крае. Графиню же миссионерская деятельность мало интересовала, её присутствие в экспедиции пиетистов было случайным.

Путешественники прибыли в Крым в августе 1824 г. Баронесса Крюденер не успела выполнить свою миссию: она умерла уже в конце этого года и была похоронена на армянском кладбище в Карасубазаре (ныне г. Белогорск) [8]. Де Гаше прожила на полуострове тоже недолго. Возможно, сначала она обосновалась в Кореизе, в имении княгини А. С. Голицыной, затем на короткое время – в Гурзуфе (где предположительно жила в маленьком доме, находившемся на территории нынешнего «Артека»; этот дом сохранился до нашего времени) (рис. 5). Последним (или единственным в Крыму) пристанищем для нее стал небольшой наёмный дом в Старом Крыму, в котором она жила со своей служанкой из местных армян. Его-то и изобразил в своем альбоме П. И. Голландский столетие спустя после смерти графини.

Рис. 5. Дом на территории «Артека», в котором предположительно жила графиня де Гаше.
Фото Л. М. Авсеева. 2011 г.

Некоторые небезыңтересные детали из жизни де Гаше в Старом Крыму и дом, в котором она поселилась, довольно подробно и ярко были описаны баронессой Марией Александровной Бодe (Розен, впоследствии игуменья Митрофания) в её воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русский архив» за 1882 г. (вскоре после смерти баронессы в 1878 г.) и дополненных записками Храповицкого с рассказом об ожерелье Марии Антуанетты, а также Луи Бертреном (под псевдонимом Луи де Судак), опиравшимся на рассказы крымских старожилов и имевшиеся в его распоряжении письменные свидетельства [4, с. 123–129; 9, с. 130–132; 5].

Мария Александровна была дочерью барона Александра Карловича Бодe – личности, известной многим в Крыму и за его пределами. Большое семейство Бодe, судя по всему, неплохо знало Жанну де Гаше, хотя и было с ней знакомо, в общем, недолго. Скорее всего, из-за семьи Бодe графиня и переехала в Старый Крым, стремясь найти в чужом для неё крае людей для общения.

Наиболее полное из недавно опубликованных исследований, посвящённых жизни барона А. К. Бодe в Крыму, принадлежит А. Д. Тимиргазину [10, с. 169–178. См.

также: 11, с. 159–160; 12, с. 269 (имен. указ.]). Александр Карлович Боде (1780–1855) был сыном французского эмигранта, имевшего российское подданство и получившего от Екатерины II два поместья – в Херсонской губернии и в Крыму. Один из его четырёх сыновей – Карл, приняв православие, стал именоваться Александром. Александр Карлович владел прекрасным садом и хорошим каменным домом в Старом Крыму, землями в Судаке и Судакской долине. Он серьёзно занимался садоводством и виноградарством, в 1924 г. был назначен смотрителем училища виноделия в Судаке и всего себя посвятил любимому делу. Публиковал статьи по сельскому хозяйству.

А ещё барон писал стихи. У него было много друзей, в том числе люди известные. Общение с ним и его семьёй было интересным и приятным. Путешествовавший по Крыму в 1825 г. Павел Петрович Свиньин, издатель журнала «Отечественные записки», вспоминал о своём посещении Судака: «Здесь познакомился я с бароном Александром Карловичем Боде, директором казённого сада. Он человек с большими сведениями по части виноделания, и нет сомнения, что в скором времени доведёт сие заведение до образцового, в то же время почтенное семейство его может послужить образцом гостеприимства» [Цит. по: 10, с. 170]. Последнее для нас важно, так как гостеприимство семьи Боде по отношению к француженке де Гаше, кажется, было беспредельным. Она это прекрасно осознавала, но, к сожалению, не умела должным образом ценить.

Марии Александровне Боде графиня запомнилась так: «Я была ещё очень молоденькой девочкой, когда вся эта компания приезжала к моим родителям, но и живо помню всех их: и сухую, грозную княгиню Голицыну, и нежную блондинку баронессу Беркгейм (дочь баронессы Крюденер. – Э.П.), но более всех графиню де Гаше... я как теперь вижу старушку среднего роста, довольно стройную, в сером суконном рединготе (сюртук, длинный пиджак прилегающего силуэта. – Э.П.). Седые волосы её были прикрыты черным бархатным беретом с перьями; лицо, нельзя сказать кроткое, но умное и приятное, украшалось живыми блестящими глазами. Она говорила бойко и увлекательно изящным французским языком. С родителями моими она была чрезвычайно любезна, со своими спутницами насмешлива и резка, а с несколькими бедными французами своей свиты, которые раболепно прислуживали ей, повелительна и надменна без всякой деликатности. Многие перешёптывались об её странностях, намекали, что в судьбе её есть что-то таинственное. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок; иногда она даже любила возбуждать их, будто не нарочною обмолвкой с людьми образованными, а легковесных и простых местных жителей нарочно сама запутывала таинственными намёками. О графе Калиостро, о разных личностях двора Людовика XVI говорила она как о людях своего знакомого кружка, и долго каждый разговор её переходил из уст в уста и служил темою для догадок и толкований» [4, с. 125].

Жанна де Гаше поселились в глуши, и это ей, графине, француженке со столь богатой биографией, повидавшей немало блестящих европейских столиц, совсем не нравилось. Да, Старый Крым тогда мало напоминал город. Для Луи Бертрена он по тем временам был деревней и «просто хутором, заселённым армянами» [5, с. 11, 14]. Анатолий Николаевич Демидов, побывавший здесь во время своего путешествия, совершённого в 1837 г., констатировал: «От этого города, некогда первенствовав-

шего в Крыму, остались лишь незначительные развалины, в которых поселилось несколько болгарских выходцев. Эти люди живут здесь среди разрушенных мечетей, бань, городских укреплений и могил. Город был, кажется, хорошо укреплен: мы видели здесь много обрушенных башен; ров, простиравшийся вокруг стен, и до сих пор не засыпан. Одна баня и одна мечеть ещё уцелели (имеется в виду т. н. мечеть золотоордынского хана Узбека, ныне отреставрированная и являющаяся действующей. – Э. П.), хотя обе очень повреждены от времени. И та, и другая, по видимому, отличались особенным великолепием» [13, с. 468; 14, с. 213].

Мало того, что графиня жила в таком Богом забытом месте, ей ещё приходилось ютиться в маленьком неказистом домишке. М. А. Бодэ называет его землянкой, находившейся рядом с садом барона, а Луи Бертрен, ссылаясь на воспоминания француженки Ларгье, – простым крестьянским домиком в деревне Старый Крым [4, с. 126; 5, с. 11]. Конечно, Жанна де Гаше мечтала о более приличном жилище, пусть даже в столь далёком от цивилизации крае. Она, как свидетельствует баронесса Бодэ, намеревалась купить у её отца их сад, в котором было много фруктовых деревьев, орехов, великолепных роз и хороший дом (место это весьма примечательное: некогда оно принадлежало крымским ханам, в нём якобы сохранились развалины Монетного двора, где можно было найти древние монеты, кувшины, а в подземелье, по слухам, был зарыт клад [4, с. 125–126]. Барон продавал имение в Старом Крыму, так как намеревался перебраться с семьёй в Судак), но не сошлась с бароном в цене, обманывала его и затягивала решение дела так, что он долго не мог найти покупателя его имения. Дело закончилось тем, что, тяжело заболев и предчувствуя скорую кончину, графиня написала Александру Карловичу письмо, в котором раскаивалась в причинённом ему убытке, просила её простить и принять «в знак дружбы и вознаграждения несколько вещей на память» и «прекрасную библиотеку» [4, с. 126–127]. Их отношения наладились и даже стали дружественными. Когда семья Бодэ переехала в Судак, барон навещал графиню в Старом Крыму, подолгу с ней беседовал, «был очарован её разговорами, полными наблюдательности, знания света и нечуждыми некоторой таинственности» [4, с. 127].

Жизнь в Старом Крыму была скучной и однообразной. Едва ли не единственным развлечением графини было посещение семейства Бодэ да гуляние по их саду. А когда Бодэ перебрались в Судак, де Гаше решила последовать за ними, попросив барона подыскать ей в Судаке подходящий, но недорогой домик с садом, за что обещала сообщить ему много полезных и интересных сведений, помогать его жене по хозяйству, а главное – заняться образованием их дочери Марии (автора интересующих нас воспоминаний), которой в скором времени предстояло возвращаться в свете. Однако этим планам не суждено было осуществиться: графиня тяжело заболела и в мае 1826 г. умерла в Старом Крыму (где прожила немногим больше года), предварительно предав огню все свои бумаги и оставив завещание, в котором назначила барона Бодэ своим душеприказчиком.

По словам служанки, перед смертью де Гаше «запретила трогать своё тело, а велела похоронить себя, как была; говорила, что тело её потребуют и увезут, что много будет споров и раздоров при её погребении» [4, с. 128]. Ничего этого, однако, не случилось: её похоронили на армянском кладбище в Старом Крыму, «а надгроб-

ный камень, – пишет М. А. Боде, – не тронут донныне» [4, с. 128]. Имущество почившей, среди которого оказалось четыре шкатулки, описали; одним из тех, кто выполнял это дело, был барон А. К. Боде.

Служанка рассказала об одной странности своей госпожи: она всегда одевалась сама [4, с. 128]. Филипп Филиппович Вигель, керченский градоначальник в 1826–1828 гг., знавший всё и вся не только в Крыму, но едва ли не во всей России, в своих «Записках» рассказывал, что за госпожой Крюденер последовала в Крым «одна примечательная француженка»: она «никогда не снимала лосиной фуфайки, которую носила на теле, и требовала, чтобы в ней и похоронили её. Ее не послушались, и оказалось по розыскам, что это жившая долго в Петербурге под именем графини Гашет сечёная и клеймёная Ламотт, столь известная до революции (Французской революции 1789–1794 гг. – Э.П.), которая играла главную роль в позорном процессе о королевином ожерелье» [15, с. 1146].

Служанка всё-таки омыла тело усопшей графини и «заметила на спине её два пятна, очевидно, выжженные железом», что «подтверждало догадки, – пишет М. А. Боде, – потому что графиня Ламотт, как известно, была осуждена на клеймение и сколько ни билась в руках палача, но приняла позорное клеймо, хотя и неявственно» [4, с. 128].

Вскоре от графа А. Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и Главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в Старый Крым прибыл курьер «с требованием её (графини де Гаше. – Э.П.) запертого ларчика, который был немедленно отправлен в Петербург». Далее у М. А. Боде: «губернатор (тогда должность Таврического гражданского губернатора исполнял князь Дмитрий Васильевич Нарышкин. – Э. П.) сказал моему отцу, что имел поручение наблюдать за этою женщиною и что она точно была графиня Ламотт-Валуа, укрывшаяся в России» [4, с. 128].

В своём завещании де Гаше поручала А. К. Боде продать её имущество и отослать вырученные средства во Францию, в город Тур, некоему Лафонтену (то ли родному брату де Гаше, то ли опекуну её детей [См. об этом: 16, с. 302–303]). В переписке с бароном Лафонтен называл графиню своей «почтенною родственницею», но не упоминал её настоящего имени. Боде выполнил завещание, однако ни он и никто другой, кто вместе с ним обыскивал в доме де Гаше шкатулки и потайные ящики, перелистывал книги, не смог найти каких-либо документов, которые открыли бы тайну почившей графини [4, с. 129].

Известный крымский учёный Арсений Иванович Маркевич полагал, что «как правительство, так и высшая местная администрация знали, что под именем графини Гаше проживает в Крыму более знаменитая особа, и следили за ней, не стесняя ни в чём её образа жизни. Но окружавшие её лица и в Крыму, как и в Петербурге, полагали, что графиня Гаше – простая эмигрантка, жертва революции» [6, с. 223–224].

Маркевич вслед за Бертреном сообщает некоторые интересные подробности о той ситуации, которая сложилась после смерти графини, опираясь на документы из архива Канцелярии Таврического губернатора [5, с. 65 слл.; 6, с. 225–230]. Это дело (на 40 листа) «Об отыскании в имуществе покойной графини Гашет тёмно-синей шкатулки». Эта шкатулка более всего интересовала петербургские и местные власти:

искали бумаги, «кои заслуживают особенное внимание правительства» (а быть может, ещё и бриллианты из ожерелья королевы Франции). В деле имеется отношение барона И. И. Дибича, начальника штаба Его Императорского Величества, от 4 августа 1826 г., отправленное из Москвы Таврическому гражданскому губернатору князю Д. В. Нарышкину. В нём говорится о необходимости передать шкатулку «в таком виде, в каком она осталась по смерти графини Гашет», нарочному, который прибудет от Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора. В Судаче нарочному вручили две шкатулки (обе графиня завещала своей петербургской приятельнице Марие Бирх), но бумаг в них не оказалось. Заподозрили их хищение – подозреваемым оказался в первую очередь барон Бодэ. Началось долгое расследование, в общем, ни к чему не приведшее. Но то, что содержимое шкатулок так интересовало центральные и местные власти, более того – самого императора, говорит и о важности искомых документов, и об особом статусе их обладательницы.

Итак, графиню де Гаше похоронили в Старом Крыму на армянском кладбище, ныне уже не существующем. Могила не сохранилась, но предполагаемое место захоронения графини и сейчас показывают местные жители [см.: 17]. Есть фотография надгробия, некогда венчавшего могилу (рис. 6). Надгробие описано Людвигом Петровичем Колли (рис. 7), заведовавшим Феодосийским музеем древностей в 1900–1917 гг. Фотографию надгробия можно увидеть, например, в Старокрымском литературно-художественном музее.

Рис. 6. Предполагаемое место захоронения графини де Гаше в Старом Крыму. Фото 2013 г.

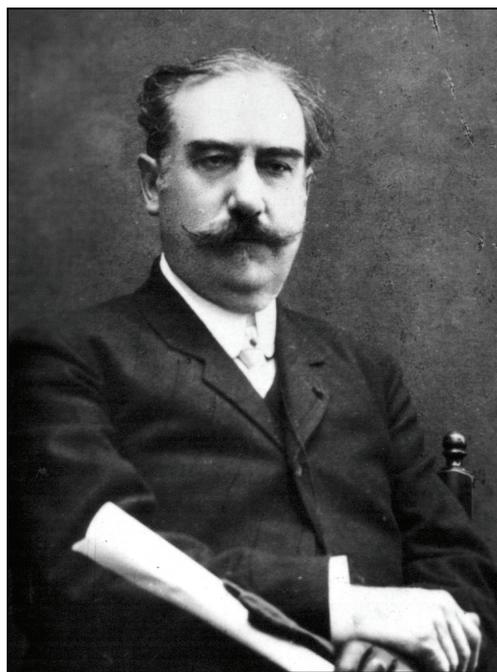

Рис. 7. Луи Алексис Бертрэн. Фото из фондов Феодосийского музея древностей

Л. П. Колли проявлял интерес к старым захоронениям известных людей, живших и умерших в Крыму. Такие захоронения он искал совместно со своим другом Луи Бертреном (рис. 8). Людвик Петрович согласился с предположением Бертрена, что де Гаше – не кто иная, как графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа. Два десятка лет Колли и Бертрен искали могилу графини и таки нашли её в июне 1913 г. Вениамин Давидович Гейман, ученик Колли и его преемник по заведованию музеем, вспоминал, как Колли и Бертрен произвели «тщательный осмотр разрытой в Старом Крыму на армянском кладбище необычной могилы, признанной обоими за место упокоения Жанны де Ламот – графини де Гаше» [7, с. 169].

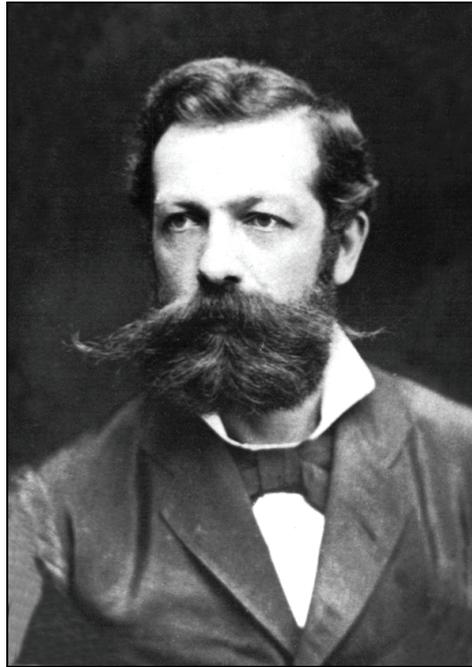

Рис. 8. Людвик Петрович Колли. Фото из фондов Феодосийского музея древностей

Л. П. Колли сообщает в Таврическую учёную архивную комиссию (ТУАК) о результатах своих поисков, и в протоколе заседания ТУАК от 25 сентября 1913 г. появляется пространная запись: «Доложено отношение земского начальника 3-го участка Феодосийского уезда от 6 июня 1913 г. за № 278 с уведомлением, что в городе Старом Крыму, в ограде армянской церкви, была найдена могила с плитой на ней, в которой, по некоторым догадкам, была похоронена известная “французская авантюристка, именовавшая себя графиней де Ламотт”. В связи с этим донесением земского начальника доложено письмо Л. П. Колли к председателю Комиссии, посвящённое той же находке. Л. П. Колли пишет, что 7-го июня к нему явился староста армяно-григорианской церкви г. Старого Крыма г<осподин> Бенклиев и, предъявив фотографический снимок надгробия, заявил, что он открыл надгробную эпитафию и могилу г<оспо>жи де Ламот Валуа. На другой день г<осподин> Колли совместно с г<осподином> Бертреном отправились в Старый Крым, чтобы осмотреть ту могилу,

которую они оба тщетно искали в течение более 20 лет. “На месте, – говорит Колли, – приняв во внимание положение могилы по отношению к зданию церкви, согласно литературным данным, наружный вид камня и замысел рисунка скульптуры, отличающие совершенно от всех окружающих его на кладбище надгробий, мы пришли к заключению, что если этот камень не есть надгробие над могилой г<оспо>жи де Гаше, то, ввиду исключительной отделки его среди его многочисленных соседей, многое заставляет предполагать, что это действительно надгробие, которое мы так долго и часто искали”. Далее Л. П. Колли говорит, что плита была на аршин покрыта землей; несмотря на все старания, нельзя было даже установить, каким шрифтом были написаны буквы эпитафии и представляют ли они из себя монограмму или целую фамилию; одно установлено точно, что буквы, безусловно, не армянские. На камне нет никакой даты. Нижняя половина плиты вся почти занята щитом, очевидно, предназначенным для подписи, но он так и остался совершенно гладким. Выше – неясные буквы или монограмма в венке стиля *rococo*, а ещё выше – ваза с высеченными акантовыми листьями и орнаментом грубой работы. Наверху плиты небольшой крест. На вопрос Л. П. Колли, следует ли делать раскопку могилы, председатель Комиссии ответил, что это следует сделать, с чем согласился и г<осподин> Бертрэн. Между прочим, Л. П. Колли высказывает догадку, что о существовании могилы старокрымское население, вероятно, знало давно, и могила, наверное, была уже вскрыта искателями драгоценностей г<оспо>жи Гаше. По крайней мере, сам староста церкви г<осподин> Бенклиев признался, что о месте нахождения надгробия г<оспо>жи Гаше он знал три года тому назад и тогда же приказал сторожу зарыть найденную плиту: “он был, наверное, уверен, что этот камень (антик) имеет великую цену, не подозревая, что эта ценность чисто научная”. Г<осподин> Колли распорядился закрыть плиту досками в предупреждение порчи её. К письму г<осподин> Колли приложил фотографический снимок найденного надгробия, который председатель Комиссии передал в музей Комиссии» [16, с. 300–301].

Далее следует сообщение председателя ТУАК А. И. Маркевича о личности госпожи де Гаше, базирующееся на материалах дела Таврического губернского архива за 1827 г. («По предписанию Управляющего Министерством Внутренних Дел. С препровождением просьбы иностранки Марии Бирч о должных ей умершею графинею де Гашет 20 тыс. рублях») и сведениях Л. Бертрена, добытых им в архиве французского консульства в Одессе [16, с. 301–304. См. также: 18, с. 336–338].

(Кстати сказать, Колли и Бертрэн занимались также поисками могилы Варвары-Юлианы Крюденер. Чтобы проверить разные версии о месте захоронения баронессы, они в 1910 г. побывали на кладбищах в Кореизе и Карасубазаре. На армянском кладбище в Карасубазаре Людвику Петровичу пришлось «проникнуть ползком в мрачное подземелье» – склеп генерала Шица с тремя гробами, в одном из которых, по мнению Колли, и могли находиться останки баронессы [8, с. 220].)

Вот такая, можно сказать, детективная история почти два столетия тому назад произошла в Старом Крыму – история, благодаря которой городок на далёкой южной окраине Российской империи приобрёл едва ли не мировую известность. (Впрочем: «Было ли так на самом деле, мы, видимо, не узнаем никогда, но легенда о том, что Жанна де Ламотт провела последний год жизни в Старом Крыму под име-

нем де Гаше, прочно утвердилась в сознании крымчан» [19, с. 258].) И воспоминания баронессы Марии Александровны Боде, которые мы теперь можем сопроводить рисунком Павла Ивановича Голландского, изобразившего старокрымский дом графини де Гаше, сыграли в этом далеко не последнюю роль.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БАРОНЕССЫ М. А. БОДЕ

(Русский архив. М., 1882. № 3. С. 123–129)

/с. 123/ В двадцатых годах нынешнего столетия, то есть с прибытием в этот (Новороссийский. – *Прим. издателя*) край графа (впоследствии князя) М. С. Воронцова, Крым начал входить в моду. Одни за другими приезжали путешественники знакомиться с краем, как бы вновь открытым; их принимали, угощали усердно, наперерыв приглашали купить имение, поселиться. Всякому хотелось приобрести образованных соседей; но общества-то именно и недоставало в то время в Крыму, населённом татарами, греками, армянами. Немногие, однако, увлекались красотами Тавриды до того, чтобы поселиться в ней; большею частью приезжали, любовались и уезжали!.. Много, много перебывало у нас путешественников интересных, знаменитых впоследствии: Норов, Грибоедов, А. Н. Муравьёв и многие другие.

В то время приехала в Крым замечательная компания, исключительно дамская; по крайней мере, дамы были в ней главными лицами, а мужчины играли весьма второстепенные роли. Эту компанию составляли следующие особы:

1) Княгиня Анна Сергеевна Голицына, рождённая Всеволожская. Она разошлась с мужем своим (князем Иваном Александровичем Голицыным. – *Э. П.*) тотчас же по совершении брачного обряда; выходя из церкви, она подала ему портфель и сказала: «Вот половина моего приданного, а я княгиня Голицына, и теперь всё кончено между нами!». Эта характеристическая черта довольно ясно обрисовывает женщину. В Крым она приехала уже старухой, лет шестидесяти, и поражала всех своим мужественным видом и повелительными манерами. Она купила имение и поселилась на Южном берегу Крыма; ходила в длинном сюртуке и суконных панталонах, с плетью /с. 124/ в руках, которою собственноручно расправлялась со своими подвластными и даже окрестными татарами. Не только они, но исправники, заседатели и прочие трепетали перед деспотическою старухой...

2) Баронесса Крюденер, сочинительница «Валерии», знаменитая своею красотою, своим мистицизмом, своими воззваниями к народам, своим влиянием на Императора Александра I, который любил проводить вечера в мирной беседе с нею в стенах покоренного Парижа... С нею была целая свита немецких и швейцарских семейств – все мистики, духовидцы, ясновидцы; все они толковали Апокалипсис, пророчествовали. Всё это так живо занимало моё детское воображение! Но восторженные германские мечты не принялись на крымской почве; баронесса Крюденер скоро умерла в Карасубазаре, а экзальтированные мистики сделались добрыми колонистами, земледельцами, винодельцами; прозелитов в Крыму не нашлось, и они остались людьми обыкновенными.

3) Дочь баронессы Крюденер, баронесса Юлия Беркгейм, со своим мужем. Он и она были молоды и очень хороши собою – белокурые, нежные, высокие, стройные, настоящий тип лифляндской красоты. Эта чета вызывала много любопытства и

молвы. Говорят, что они женились по страсти. Через год или два после свадьбы барон должен был ехать за границу на несколько месяцев. В это время кн. А. С. Голицына познакомилась с молодой женщиной, подружилась, совершенно овладела ею, и барон по возвращении нашёл жену свою в доме княгини в полной зависимости и раболепном повиновении. С тех пор молодая баронесса уже не возвращалась в дом своего мужа и видалась с ним только при свидетелях... /с. 125/ Общество единогласно её осуждало.

Самая замечательная женщина из всей этой компании, по своему прошедшему, была графиня де Гаше (de Gachet), рождённая Валуа, в первом замужестве графиня де ля Мотт (de la Motte), героиня известной истории «Ожерелья королевы».

Я была ещё очень молоденькой девочкой, когда вся эта компания приезжала к моим родителям, но и живо помню всех их: и сухую, грозную княгиню Голицыну, и нежную блондинку баронессу Беркгейм, но более всех графиню де Гаше. Всю её замечательную историю узнала я гораздо позже; не знаю отчего, она тогда поразила меня; но я как теперь вижу старушку среднего роста, довольно стройную, в сером суконном рединготе. Седые волосы её были прикрыты чёрным бархатным беретом с перьями; лицо, нельзя сказать кроткое, но умное и приятное, украшалось живыми блестящими глазами. Она говорила бойко и увлекательно изящным французским языком. С родителями моими она была чрезвычайно любезна, со своими спутницами насмешлива и резка, а с несколькими бедными французами своей свиты, которые раболепно прислуживали ей, повелительна и надменна без всякой деликатности. Многие перешёптывались об её странностях, намекали, что в судьбе её есть что-то таинственное. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок; иногда она даже любила возбуждать их, будто не нарочною обмолвкой с людьми образованными, а легковесных и простых местных жителей нарочно сама запутывала таинственными намёками. О графе Калиостро, о разных личностях двора Людовика XVI говорила она как о людях своего знакомого кружка, и долго каждый разговор её переходил из уст в уста и служил темой для догадок и толкований.

Она желала купить в Старом Крыму сад, принадлежавший отцу моему. Это было жилище весьма приличное для такой таинственной особы. Он принадлежал некогда крымским ханам, и в нём были /с. 126/ развалины Монетного двора, подземелье, которого передняя часть служила нам погребом, остальная же была завалена большими камнями, и народное предание говорило, что там ханский арап сторожит сокровища. В развалинах мы находили старые монеты, кувшины. Вообще утверждали, что в подземелье зарыт клад; но жители не позволяли искать его вследствие какого-то поверья, что с его открытием сопряжено большое несчастье для города. Отец мой делал, однако, попытку отвалить камень; об этом как-то узнали, сбежался народ, сад окружили, с криком требовали прекращения работ; камни полетели в работающих – насилу могли усмирить суеверное народонаселение. Отец мой хотел было возобновить попытку ночью; но тут уже свои люди отказались работать: суеверный страх мнимого стража арапа сковал все руки. В этом саду было много фруктов, абрикосов, слив, орехов – чудесные старые деревья; никогда впоследствии, в самых богатых садах, не видала я такого множества и таких великолепных белых роз, как в нашем старокрымском саду; много связано с этим садом лучших моих детских воспомина-

ний! Отец мой купил этот сад в совершенно одичалом состоянии; для жилья была татарская мазанка; он сам построил с возможным в то время комфортом домик, в котором и помещалось всё наше семейство.

Отец мой просил за этот сад три тысячи рублей, графиня же давала две с половиной; но отец не хотел уступить, потому что надеялся продать его выгодно кому-нибудь из множества иностранцев, находившихся тогда в Крыму. Между тем в то же время он купил землю в Судаке и начал разводить виноградник; на устройство нового имения понадобились деньги, и он написал графине, что уступает за предложенную ею цену; тогда она отступилась и стала давать только две тысячи. Посердившись за такую недобросовестность месяца три-четыре, отец мой согласился; тогда графиня предложила полторы тысячи, между тем жила по соседству нашего сада в землянке и отбивала всех покупателей, говоря, что сама покупает или даже купила его. Эта история продолжалась с год. В одно прекрасное утро, проснувшись, мы очень удивились, увидев во дворе несколько подвод с поклажею. Посланный подал отцу моему письмо от графини; она писала отцу, что очень больна и предчувствует близкую кончину, что на смертном одре раскаивается в том, что причинила ему значительный убыток, не допустив его продать с выгодой своё имение, просит его простить её и принять в знак дружбы и вознаграждения несколько вещей на память. Это /с. 127/ были: красивый туалет для моей матери, итальянская гитара для меня и прекрасная библиотека для отца.

Не зная как понять этот странный поступок и боясь обидеть графиню отказом, отец мой послал ей ящик лучших вин, ценою равняющийся её подаркам, для подкрепления её сил и здоровья, и просил по выздоровлении снова взять обратно свои подарки. Она выздоровела, но не хотела слышать о возвращении вещей, и мы остались в дружеских отношениях. Отец мой в поездках своих в Феодосию всегда заезжал к графине, много и долго беседовал с нею и всегда был очарован её разговорами, полными наблюдательности, знания света и нечуждыми некоторой таинственности. Она полюбила моего отца; он был, подобно ей, эмигрант и хотя был гораздо моложе её и менее знаком с событиями страшной эпохи (Французской революции 1789–1794 гг. – Э. П.), которая застигла его ещё ребёнком, но мог понимать её; у них были общие воспоминания, общая родина, общие бедствия.

Однажды отец мой получил от графини письмо, в котором она писала, что раздумала селиться в Старом Крыму, а желает переехать в Судак, чтобы быть нашею соседкою; что наше семейство ей очень понравилось и она рада будет делить своё время с образованными людьми, а что полудикие армяне Старого Крыма ей опротивели; обещала сообщить ему много полезного и интересного, помогать матери моей в хозяйстве и образовать меня для света, в который некогда придётся мне вступить; поручала отцу моему нанять ей домик с садом и прочее. Но цена, назначенная ею, была так мала, а условия квартиры так несообразны с нею, что найти что-нибудь подобное было невозможно. Между тем отец мой чрезвычайно ею заинтересовался. Он вздумал построить в своём имении домик по сообщённому графинею плану и предложить ей жить в нём безвозмездно; он надеялся, что сведения, полученные от неё, общество бывалой и прекрасно образованной женщины, польза, которую я могла извлечь из этого близкого знакомства, вознаградят его за издержки. Он сооб-

щил план свой моей матери; ей он также понравился: образованные люди были тогда в Крыму такую редкостью, что их ловили наперерыв, за них ссорились.

Графиня приняла предложение отца с восхищением, и немедленно было приступлено к постройке домика. Это было в конце осени, а к весне он приходил уже к окончанию. В апреле к отцу моему прискакал нарочный с известием, что графиня очень больна и желает его видеть; он немедленно отправился, но уже не застал её в живых. Она оставила завещание, которым назначала отца своим душеприказчиком. Служившая ей старая армянка сказала только, что, /с. 128/ почувствовав себя худо, графиня провела всю ночь, разбирая и бросая в огонь свои бумаги; запретила трогать своё тело, а велела похоронить себя, как была; говорила, что тело её потребуют и увезут, что много будет споров и раздоров при её погребении. Эти предсказания, однако, не оправдались: по определению ратуши, русский православный и армянский арианский священники, за неимением католического, согласно похоронили графиню, а надгробный камень не тронут доньше. Служившая ей армянка мало могла удовлетворить общему любопытству: покойница редко допускала её к себе, одевалась всегда сама и употребляла её лишь для чёрной работы и на кухне; только омывая её после кончины, армянка заметила на спине её два пятна, очевидно, выжженные железом. Это подтверждало догадки, потому что графиня Ламотт, как известно, была осуждена на клеймение и сколько ни билась в руках палача, но приняла позорное клеймо, хотя и неявственно.

Едва успел дойти в Петербург до правительства слух о кончине графини, как прискакал от графа Бенкендорфа курьер с требованием её запертого ларчика, который был немедленно отправлен в Петербург, и в то время губернатор сказал отцу моему, что имел поручение наблюдать за этой женщиною и что она точно была графиня Ламотт-Валуа, укрывшаяся в России; имя де Гаше она получила, кажется, от эмигранта, за которого вышла где-то в Италии или Англии, и которое послужило ей впоследствии щитом и покровительством. Долго жила она в Петербурге под этим именем, в 1812 году приняла даже русское подданство, и никто не подозревал её настоящего, столь известного имени.

В числе петербургских знакомых графини была англичанка м-ме Бирч, также не подозревавшая её печальной знаменитости, но принимавшая в ней участие просто как в одной из жертв революции, вынужденной добывать себе пропитание трудами рук своих. Возвратившись однажды от графини де Гаше, м-ме Бирч узнает, что Императрица Елизавета Алексеевна присылала за нею; она на другой же день отправилась к Императрице с извинениями, что не была дома.

«Где же Вы были?» – спросила Императрица.

«У графини де Гаше».

«Кто это такая, графиня де Гаше?»

М-ме Бирч отвечает, что это французская эмигрантка, и старается заинтересовать Императрицу рассказом о её затруднительном положении. Во время этого разговора входит Император Александр; имя графини де Гаше вырывает у него восклицание: «Она здесь?! А /с. 129/ сколько раз меня о ней спрашивали, и я всегда отвечал, что её нет в России. Где она? Почему вы её знаете? Я желаю видеть её, – говорит Государь. – Привезите её завтра сюда». М-ме Бирч отправляется к графине с

этим известием. «Что вы наделали?! Вы меня погубили! – с отчаянием восклицает графиня. – Зачем вы говорили обо мне Государю? Тайна составляла моё спасение; теперь он выдаст меня врагам моим, и я погибла». Но всё отчаяние было бесполезно: должно было повиноваться.

На следующий день в назначенный час обе они были в покоях Императрицы Елизаветы Алексеевны. Государю доложили о них. Он подошел к графине: «Вы не та, кем называется; скажите мне ваше настоящее имя!»

«Я должна сказать его, но открою только Вам, Государь, и без свидетелей».

Государь сделал знак, Императрица и m-ме Бирч вышли. Государь оставался с графиней более получаса, и она возвратилась успокоенная и очарованная его благосклонностью. «Он обещал мне тайну и защиту», – вот всё, что она сказала m-ме Бирч, от которой я знаю эти подробности. Вскоре после того графиня отправилась в Крым.

Деньги, оказавшиеся после кончины таинственной графини и вырученные от продажи её имущества, были, по завещанию её, отправлены во Францию, в город Тур, какому-то г. Лафонтену; отец мой по этому случаю был с ним в переписке, но он в уклончивых ответах своих ни разу не дал догадаться, знал ли настоящее имя графини, которую просто называл своею почтенною родственницею. Отец мой купил с аукциона бóльшую часть вещей графини; но напрасно обыскивали мы все шкатулки и потайные ящики, перелистывали все книги; ни один лоскуток бумаги, случайно забытый, не изменил глубоко скрытой тайне. Император Александр, граф Бенкендорф, губернатор Нарышкин – те, которым она была известна, теперь уже в могиле; остались ещё немногие: князь Воронцов, отец мой, m-ме Бирч. И они сойдут в неё и унесут тайну с собою.

Участь этой женщины покрыта непроницаемою завесою; она исчезла, как исчезло знаменитое искусительное ожерелье, причина её падения, одна из причин смерти несчастной королевы Марии Антуанетты. Писатели долго будут говорить о Жанне Валуа, и никто не догадается искать на безвестном кладбище старокрымской церкви её одинокой могилы!

Список использованных источников и литературы

1. ЦМТ. КП-13894.
TsMT. КР-13894.
2. Петрова Э. Б. Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея / Э. Б. Петрова. – Феодосия : ИД «Коктебель» ; Симферополь : Н. Орианда, 2013. – 120 с.
Petrova E. B. Pavel Ivanovich Gollandskiy i ego krymskaya epopeya / E. B. Petrova. – Feodosiya : ID «Koktebel'»; Simferopol' : N. Orianda, 2013. – 120 s.
3. Бороздин И. Н. Солхат : предварительный отчёт о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымсика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году / И. Н. Бороздин. – М. : Искра революции, 1926. – 32 с.
Borozdin I. N. Solkhat : predvaritel'nyy otchet o rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymsika i Nauchnoy assotsiatsii vostokovedeniya Soyuzha SSR v 1925 godu / I. N. Borozdin. – M. : Iskra revolyutsii, 1926. – 32 s.
4. [Бодэ М. А.] Из воспоминаний баронессы М. А. Бодэ / М. А. Бодэ // Русский архив. – М., 1882. – № 3. – С. 123–128.
[Bode M. A.] Iz vospominaniy baronessy M. A. Bode / M. A. Bode // Russkiy arkhiv. – M., 1882. – № 3. – S. 123–128.

5. Судак де Луи [Бертрен Л. А.]. Героиня процесса «Ожерелье королевы» / Луи де Судак // Луи де Судак. Фернан де Мели. Альфред Рамбо. Французские путешественники в Крыму : XIX век / пер. с франц. Г. И. Беднарчика. – Симферополь : Н. Орианда, 2014. – С. 9–124.
 Sudak de Lui [Bertren L. A.]. Geroinya protsessa «Ozherel'e korolevy» / Lui de Sudak // Lui de Sudak. Fernan de Meli. Al'fred Rambo. Frantsuzskie puteshestvenniki v Krymu : XIX vek / per. s frants. G. I. Bednarchika. – Simferopol' : N. Orianda, 2014. – S. 9–124.
6. Маркевич А. И. К биографии графини де Ла Мот Валуа-Гаше / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1912. – № 48. – С. 222–230.
 Markevich A. I. K biografii grafini de La Mot Valua-Gashe / A. I. Markevich // ITUAK. – 1912. – № 48. – S. 222–230.
7. Гейман В. Д. Луи Бертрен : некролог / В. Д. Гейман // ИТУАК. – 1919. – № 56. – С. 167–170.
 Geyman V. D. Lui Bertren : nekrolog / V. D. Geyman // ITUAK. – 1919. – № 56. – S. 167–170.
8. Колли Л. П. Могила баронессы Крюденер в Крыму / Л. П. Колли // ИТУАК. – 1912. – № 48. – С. 212–221.
 Kolli L. P. Mogila baronessy Kryudener v Krymu / L. P. Kolli // ITUAK. – 1912. – № 48. – S. 212–221.
9. [Храповицкий]. По поводу воспоминаний баронессы Бодэ [Записки Храповицкого. Процесс королева ожерелья] / Храповицкий // Русский архив. – М., 1882. – № 3. – С. 130–132.
 [Khrapovitskiy]. Po povodu vospominaniy baronessy Bode [Zapiski Khrapovitskogo. Protsess korolevina ozherel'ya] / Khrapovitskiy // Russkiy arkhiv. – M., 1882. – № 3. – S. 130–132.
10. Тимиргазин А. Д. Смотритель Судакского училища виноградарства и виноделия барон Александр Карлович Бодэ / А. Д. Тимиргазин // Воронцовы и русское дворянство : между Западом и Востоком : сб. науч. статей и докладов. – Симферополь : Н. Орианда, 2012. – С. 169–178.
 Timirgazin A. D. Smotritel' Sudakskogo uchilishcha vinogradarstva i vinodeliya baron Aleksandr Karlovich Bode / A. D. Timirgazin // Vorontsovy i russkoe dvoryanstvo : mezhdz Zapadom i Vostokom : sb. nauch. statey i dokladov. – Simferopol' : N. Orianda, 2012. – S. 169–178.
11. Петрова М. М. Путешествие по Крыму А. М. Фадеева / М. М. Петрова // Пилигримы Крыма-98 : материалы междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымский архив, 1998. – С. 154–162.
 Petrova M. M. Puteshestvie po Krymu A. M. Fadeeva / M. M. Petrova // Piligrimy Kryma-98 : materialy mezhdunar. nauch. konf. – Simferopol' : Krymskiy arkhiv, 1998. – S. 154–162.
12. Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову. 1828–1837 гг. / А. И. Казначеев ; сост. А.К. Афанасьев. – М. : Новый хронограф, 2015. – 280 с.
 Kaznacheev A. I. Partikulyarnye pis'ma grafu M. S. Vorontsovu. 1828–1837 gg. / A. I. Kaznacheev ; sost. A.K. Afanas'ev. – M. : Novyy khronograf, 2015. – 280 s.
13. [Демидов А. Н.] Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершённое в 1837 году Анатолием Демидовым. – М. : в тип. А. Семена, 1853. – 543 с.
 [Demidov A. N.] Puteshestvie v Yuzhnyu Rossiyu i Krym cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, sovershennoe v 1837 godu Anatoliev Demidovym. – M. : v tip. A. Semena, 1853. – 543 s.
14. Петрова Э. Б. Крымские путешествия : Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 328 с.
 Petrova E. B. Krymskie puteshestviya : N. N. Murzakevich, A. N. Demidov / E. B. Petrova, T. A. Prokhorova. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2011. – 328 s.
15. Вигель Ф. Ф. Записки : в 2-х кн. / Ф. Ф. Вигель. – М. : Захаров, 2003. – Кн. 2. – 752 с.
 Vigel' F. F. Zapiski : v 2-kh kn. / F. F. Vigel'. – M. : Zakharov, 2003. – Kn. 2. – 752 s.
16. Протокол заседания ТУАК 25 сентября 1913 г. // ИТУАК. – 1913. – № 50. – С. 297–307.
 Protokol zasedaniya TUAК 25 sentyabrya 1913 g. // ITUAK. – 1913. – № 50. – S. 297–307.
17. Лезинский М. Тайная миссия французской графини в Крыму : [электрон. ресурс] / М. Лезинский // Вечера на Мюльгаузеновской. – Режим доступа : <https://sites.google.com/site/veceranamulgauzenovskoj/home/tajnaa-missia-francuzskoj-grafini-v-krymu>.
 Lezinskiy M. Taynaya missiya frantsuzskoy grafini v Krymu : [elektron. resurs] / M. Lezinskiy // Vechera na Myul'gauzenovskoy. – Rezhim dostupa : <https://sites.google.com/site/veceranamulgauzenovskoj/home/tajnaa-missia-francuzskoj-grafini-v-krymu>.
18. Протокол заседания ТУАК 3 сентября 1914 г. // ИТУАК. – 1914. – № 51. – С. 333–341.
 Protokol zasedaniya TUAК 3 sentyabrya 1914 g. // ITUAK. – 1914. – № 51. – S. 333–341.

19. Коньков П. В. Ламотт Жанна де / П. В. Коньков // Крым в лицах и биографиях. Античность. Средневековье. Новое время. – Симферополь : Атлас-Компакт, 2008. – С. 254–258.

Kon'kov P. V. Lamott Zhanna de / P. V. Kon'kov // Krym v litsakh i biografiyakh. Antichnost'. Srednevekov'e. Novoe vremya. – Simferopol' : Atlas-Kompakt, 2008. – S. 254–258.

Список сокращений

Главнаука	– Главное управление научными, музейными, учебными и научно-художественными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР
ИТУАК	– Известия Таврической учёной архивной комиссии (Симферополь)
Крымнаркомпрос	– Крымский народный комиссариат просвещения
Крымохрис	– Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта
КрымСНК	– Крымский Совет народных комиссаров
КрымЦИК	– Крымский Центральный исполнительный комитет
ТУАК	– Таврическая учёная архивная комиссия (Симферополь)
ЦМТ	– Центральный музей Тавриды (Симферополь)

Petrova E. B. “The house, where Madame de La Motte lived” and the memoirs of the baroness M. A. Bode / E. B. Petrova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 13–31.

Throwing light on some details of life and death in the town of Sary Krym of the famous French adventuress Countess Jeanne de La Motte-Valois-Gachet (1756–1826), famous because of the scandal with the theft of a diamond necklace of the Queen of France Marie Antoinette, wife of Louis XVI. The publication is based on: the design of the famous Crimean architect, archaeologist and restorer P. I. Gollandsky (1861–1939) with the image of a house in Sary Krym, where the Comtesse de Gachet lived (from the collections of the Central Museum of Tavrida, Simferopol); memoirs of the Baroness M. A. Bode; the essay of Louis de Sudak (L. A. Bertran) «The heroine of the process "the Queen's Necklace"»; the history of the search of the grave of the Countess de Gachet, implemented by L. P. Collie and L. A. Bertran, as well as other materials.

Keywords: Sary Krym, Sudak, Countess Jeanne de Lamotte-Valois-Gachet, A. K. Baron Bode, Baroness M. A. Bode, L. P. Collie, L. Bertran, P. I. Gollandsky.